

ПОЛИВАЛЕНТНОСТЬ ЗАГЛАВИЯ «АННА И КОМАНДИР» В РОМАНЕ ТИМУРА КИБИРОВА «ГЕНЕРАЛ И ЕГО СЕМЬЯ»

Н.В. Семенова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

Исходя из четырех версий интерпретации заглавия первой главы «Анна и командир» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья», устанавливаются отношения между субъектами речи и субъектами сознания. Обосновывается возможность прочтения книги Тимура Кибирова не как «семейной саги», а как повествования об отношениях поэтов с властью.

Ключевые слова: субъект речи, субъект сознания, роман, заглавие, Тимур Кибиров.

Б.О. Корман, определяя специфику субъектной организации в трех литературных родах, описал вариант, когда в заглавие драмы вынесена речь персонажа; в этом случае сознание героя оказывается максимально приближено к сознанию автора: «В драматическом произведении наибольшей близостью к автору отличается субъект сознания, которому принадлежит текст заглавия» [4, с. 33]. Можно предположить, что это справедливо и для эпического текста.

Так, название романа Владимира Набокова «Смотри на арлекинов!», которое воспроизводит реплику двоюродной бабушки героя, баронессы Бредовой, рожденной Толстой, отражает взгляд на искусство самого писателя:

« — Довольно кукситься! — бывало, восклицала она. — Смотри на арлекинов!

— Каких арлекинов? Где?

— Да везде! Всюду вокруг. Деревья — арлекины. Слова — арлекины. Сложи любые две вещи — остроты, образы, — и вот тебе троица скоморохов. Давай же! Играй! Выдумывай мир! Твори реальность!» [7, с. 106].

Помимо «резко экспрессивных вопросительных и восклицательных форм» [6, с. 71], здесь можно увидеть также «отзвук чужой индивидуальной экспрессии» [1, с. 193] — персонажа и автора.

Вместе с тем не все случаи столь очевидны, и у писателей-постмодернистов заглавие часто представляет осознанную игру с читателем.

В романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья» заглавие первой части «Анна и командир» только на первый взгляд продолжает семейную тему (генерал — «командир», а Анна — его дочь). Такое толкование соответствовало бы позиции критиков, объявивших книгу Кибирова «семейной сагой», «авторизованным письмом», «историческим романом» [2].

Здесь следует обратиться к записям Кормана, который утверждал, что в романе «субъект сознания не зафиксирован, субъектная характеристика текста лабильна, подвижна, изменчива. В отрывке текста любого размера (вплоть до отдельного слова), формально принадлежащем одному субъекту, могут сменяться, сочетаться и взаимонакладываться разные сознания [5, с. 528].

Мы будем исходить из того, что критерии определения субъекта речи в романе — лексикон персонажа и автора, изменение значений слова в дискурсе персонажа/персонажей и автора, окказиональное употребление слов, речевые штампы.

Рассматривая заглавие «Анна и командир», следует вспомнить о цитатной роли паронимической аттракции, поскольку, на взгляд филолога, и графически, и фонетически «Анна и командир» прочитывается как «Анна и командор». Само использование паронимической аттракции, по определению, эксплицирует сознание автора — это художественный прием. Что касается субъекта речи, то в этом качестве выступает главный герой — генерал Василий Иванович Бочажок. И не важно, что, по Корману, «герой в эпосе говорит о своих практических отношениях с ближайшим бытовым окружением. А об общем говорит повествователь (за героев)» [5, с. 522].

Василий Иванович — не обычный генерал, а поклонник классической музыки и меломан. И свой конфликт с дочерью он осмысляет сквозь призму музыкальных аллюзий (речь идет о либретто оперы Моцарта «Дон Жуан»: «Даже волшебный «Дон Жуан» был отравлен навязчивыми ассоциациями: там-то донна Анна соблазнительно не дала и мстила ему за отца, а эта наоборот» [3, с. 390].

Отказавшись от этой филологической версии в пользу бытовой (конфликт отца и дочери), мы не сможем идентифицировать субъект речи в заглавии. «Художественный, концепированный» автор свою героиню ни разу в романе не называет Анной. Имя «Анна» звучит дважды из уст Левы Блюменбаума:

«Дева Света! Где ты, донна Анна!
Анна! Анна! — Тишина» [3, с. 302].

В номинации «Анна» здесь подразумевается «донна Анна». Вторично подтверждается таким образом прочтение заглавия «Анна и командир» как «Анна и командор»: стихотворение Блока, которое цитирует Лева, называется «Шаги командора».

Генерал только дважды называет дочь Анной в ситуации, когда «все смешалось в доме Бочажков». «Анна!! Совесть есть у тебя!?» [3, с. 46] И: «Генерал постучал и громко, но старательно бесстрастно произнес:

— Анна, к тебе» [3, с. 52].

Соединение имени «Анна» с отчеством, или фамилией, или фамилией и отчеством встречается разово и имеет официальный характер или сигнализирует дистанцию по отношению к собеседнику. «Анной Васильевной» называет героиню навязчивый поклонник Барановский. Имитирует первичный речевой жанр анкеты автор, представляя героиню: «Анна Васильевна Бочажок, год рождения 1954-й» [3, с. 26] и так далее. Штамп «идеологическая червоточина <...> Анны Бочажок» [3, с. 99] характеризует другой субъект сознания — работника идеологического фронта, возможно, замполита Пилипенко в романе.

Частотное же именование — «Анечка» (325 раз); «Аня» (112); редко встречаются «Ань» и «Анька» (и то и другое 13 раз); другие именования («Ан-

ка», «Анюта», «Нюрка») единичны. Именование «командир» принадлежит, вне сомнения, автору.

Рассогласованность субъекта речи и субъекта сознания в заглавии «Анна и генерал» заставляет выдвинуть еще одну версию: Анна — это Анна Ахматова, а один из сюжетов, включенный в «роман воспитания» героини Анечки поэтессой Анной Ахматовой, — это отношения генерала с поэтессой Анной Ахматовой («роман воспитания» маркирован цитатой: «...воспитанием и отчасти обучением Анечки занялась Анна Андреевна Ахматова») [3, с. 119].

«К беде» привел Анечку слишком буквально воспринятый ахматовский миф: «Для нее ведь тогда существовали только те мужчины, у которых можно было при случае спросить: «Тебе покорной? Ты сошел с ума?» [3, с. 270].

Попытка строить свою жизнь в соответствии с чужим биографическим мифом подтверждается еще одной строкой из Ахматовой: «Все ведь «бражники здесь, блудницы», а ее от алкоголя тошнит, а секс этот ваш хваленый кажется каким-то смешным и глупым. Но она это тщательно и искусно скрывает... *No-lesse oblige!*» [3, с. 59].

Для Василия же Иваныча знакомство с Ахматовой, начавшееся статьей в Большой советской энциклопедии, поначалу никакой опасности не предвещало. Больше того, «подлил этого яда в протянутый неразумной дочерью смертельный фиал» сам генерал. Достал «Избранное» Ахматовой, «нещадно переплати[в]», а том «Библиотеки поэта» выменял за трилогию Дюма-отца, собрание сочинений Горького и «страшно дефицитную книгу о половой жизни «Три влечения» [3, с. 99].

Это уже потом, оглядываясь назад, понимает генерал: «А все она, Ахматова эта, всё с нее, гадины, началось» [3, с. 20]. И тут же на страницах романа творится параллельный пушкинскому биографический миф. «Ты у нас никогда не виноват» (говорит генерал сыну). «Пушкин, наверное, виноват.

Может быть, и Пушкин, а уж Ахматова — вне всякого сомнения!

Тут я вынужден согласиться — без нее не обошлось.

О Муза плача!») [3, с. 25].

И далее: «Пора уже, видимо, объяснить ту роковую роль, которую эта прекраснейшая из муз играла, и то большое значение, которое это шальное исчадие ночи белой имело, к ужасу и гневу генерала, в судьбе семьи Бочажков» [3, с. 26].

В восприятии генерала цветаевского «шального исчадия ночи белой» уже мало, Ахматова видится Василию Ивановичу во главе шабаша. «Вон они мятутся перед его воспаленным внутренним взором, мерзкие, наглые, кривляющиеся, все эти стилиаги и живаги, патлатые жуки в мерзких жабо, литературные власовцы и солженицины, вон они сосут свои разноцветные коктейли из трубочек и пляшут, пляшут в круге бесконечном, извиваются похабно со своими порнографическими тунеядками, дергаются под вой саксофонов, под пронзительный визг рогатых электрогитар и людоедский грохот барабанов, окружая

пьедестал, на котором высится она, окаянная полумонахиня-полублудница, разоблаченная, но не обезвреженная товарищем Ждановым.

Et Satan conduit le bal!

Что в переводе означает — Сатана там правит бал!

И слышит Василий Иванович, как эта Сатана в юбке (узкой-узкой, чтоб казаться еще стройней и бесстыжей) и в окаменевшей ложноклассической шали, и с красным розаном в inferнальных волосах хохочет, как Фантомас, и говорит, измываясь надо всем, что есть святого в нашей жизни, над всем, что нам дорого:

Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,

Я сегодня их за ужином скушаю!

И в смятении генерал думает: «Да это же никакая не Ахматова!»

Так точно, товарищ генерал!

Никакая не Ахматова!

Это — Корней Иванович. Вы же сами Анечке читали.

А с Ахматовой этой вы совсем уже сбрендили.

При чем тут, спрашивается, она?

Нет, я с нее вины не снимаю, но все-таки, Василий Иванович?

Ну не беременеют барышни от мертвых поэтесс! Понимаете?

Даже от бессмертных» [3, с. 40].

И потом, после получения письма, где дочь сообщала о своем решении эмигрировать с мужем в Израиль, во всем винит Василий Иванович Ахматову: «...многое, конечно, объяснялось тлетворным влиянием Ахматовой, Блюменбаума и «Голоса Америки» [3, с. 602]. Жалеет он даже о том, что в свое время не оказалась Анечка на БАМе: «Там бы уж тебе не до Ахматовой твоей горбоносой было бы!» [3, с. 552]. И финальная расправа над Ахматовой завершает сюжет: «Портреты Ахматовой он сразу по получении страшного письма сорвал со стены и изодрал на клочки, а заодно уж и Степкиных Жуков, но прямоугольные следы вражеских изображений на старых, клеенных еще Травиатой Захаровой обоях наглядно изображали ту неисцелимую порчу и всепроникающую заразу, которая погубила такую простую и хорошую жизнь в этих стенах» [3, с. 549].

В данном случае и субъект речи, и субъект сознания — автор, именно ему приходит в голову столкнуться в поединке комдива и поэтессу.

Еще одна возможная интерпретация заглавия: «Анна и командир» — это Анна Ахматова и советская власть («Верховный главнокомандующий» в романе).

Отношения Анны Ахматовой и власти только обозначены: упоминается «полумонахиня-полублудница» из доклада Жданова, сделанного по постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы эти публиковали произведения «пасквилянта» Зоценко и стихи Ахматовой.

О Жданове упоминает библиотечарша Римма Геннадиевна в разговоре с Анечкой:

— Ну как можно сказать про что... (речь идет о «Реквиеме» Ахматовой — Н.С.) Про что? Ну если очень грубо и приблизительно — про сталинские репрессии. У нее ведь мужа расстреляли и сына посадили. Представляешь? И саму мучили.

— Пытали? — ужаснулась Анечка.

— Можно сказать, пытали. Не печатали, травили, Жданов оскорблял. Такой был тоже сталинский прихвостень и палач. Постановление было о ней и Зощенко. Ужасное» [3, с. 95].

Рассказанный Ленькой Дроновым армейский анекдот про то, «может ли один солдат шагнуть в ногу, а вся рота не в ногу?», имеет неожиданное разрешение: «Может! В том случае если этот солдат один из всего подразделения по команде «Шагом марш!» начал движение, как положено, с левой ноги, а все остальные раздолбаи — с правой!» [3, с. 106].

От анекдота автор переходит к постановке главного вопроса в романе: «Не в том дело, кого больше, а кто действует в строгом соответствии с приказом командира <...>

И кто ж у вас командир, товарищ генерал?

Брежнев, что ли?

Или покойный генералиссимус из адовых глубин подает вам команды?

Или, может, Маркс — Энгельс — Ленин?» [3, с. 106].

В языке советской и постсоветской эпохи, понятном посвященным, идеологема «Маркс — Энгельс — Ленин» стала обозначением советской власти.

При таком толковании заглавия «Анна и командир» субъект речи и субъект сознания совпадают. «Командир» контекстуально — советская власть, использование прописной буквы маркирует изменение значения слова в особом контексте — субъект письменной речи, следовательно, автор. Что касается субъекта сознания, то здесь, по Корману, его можно отграничить, «если выйти за пределы субъектного опосредования авторского сознания» [5, с. 526]. В романе это подлинные документы, подтверждающие деяния советской власти.

Можно подвести итоги. Полное или частичное соответствие субъектов речи и субъектов сознания встречается во всех рассмотренных версиях, кроме одной, казалось бы, самой очевидной и лежащей на поверхности: «Анна и командир» — это не об отношениях главных героев, генерала и его дочери. И если в центре первого романа Тимура Кибирова «Лада, или Радость» не Александра Егоровна с Ладой, а русская поэзия, то и в романе «Генерал и его семья» герои — не генерал с дочерью, а поэты в их отношениях с властью.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. 732 с.
2. Елина Е.Г. Жанровые модификации и «поиски жанра» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 192-198.
3. Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. М.: Индивидуум, 2020. 624 с.

4. *Корман Б.О.* Автор и субъектная организация текста // Образцы изучения лирики: Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. С. 24-31.
5. *Корман Б.О.* Приложение 1. Наброски, записи, конспекты, планы // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. 552 с.
6. *Корман Б.О.* Субъектная структура стихотворения Баратынского «Последний поэт» // Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. С. 68-84.
7. *Набоков В.* Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 1999. 704 с.

Об авторе:

Семенова Нина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@vandex.ru